

УДК-323

**МЯГКАЯ СИЛА И НОРМАТИВНАЯ СИЛА ЕВРОПЫ:
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ДВУХ КОНЦЕПЦИЙ МЯГКОГО
ВЛИЯНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ***А. А. Аликин¹*

Согласно действующей концепции внешней политики Российской Федерации мягкая сила должна занять важное место во внешнеполитической стратегии РФ. Между тем на современном этапе российское мышление как политических кругов, принимающих внешнеполитические решения, так и представления российского экспертно-научного сообщества о мягком влиянии в международных отношениях, содержит ряд концептуальных изъянов которые не позволяют осуществлять объективный и релевантный анализ возможности и перспектив мягкого влияния Российской Федерации на международной арене. Исходя из этого автор статьи предлагает генеалогический анализ двух наиболее успешных форм мягкого влияния: «мягкой силы», являющейся значимым инструментом проведения внешней политики США, и «нормативной силы Европы», в русле которой осуществляется большинство направлений внешней политики Европейского союза. Предлагаемый в статье анализ позволяет, во-первых, выделить концептуальные структуры обеих исследуемых форм мягкого влияния, а во-вторых, сопоставить их, что даст возможность говорить о принципиальной, качественной генеалогической уникальности каждой из двух форм мягкого влияния в современных международных отношениях. Кроме того, приведенный анализ позволяет более концептуально подойти к проблематике возможности мягкого влияния России, а также отказаться от популярного исследовательского фокуса на финансировании мягкого влияния того или иного участника международных отношений.

Ключевые слова: мягкая сила; нормативная сила Европы; Россия; международные отношения; генеалогия.

На современном этапе государственно-политические и экспертно-научные круги, ответственные за формирование внешнеполитической стратегии Российской Федерации, после известных событий на Украине, приведших к смене режима В. Януковича, событий на Ближнем Востоке в рамках «Араб-

¹ Аликин Артем Анатольевич – студент, 2-й курс магистратуры, магистерская программа «Международные отношения: европейские и азиатские исследования», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: aalikin@edu.hse.ru.

© Аликин А. А., 2017

ской весны» признали и оценили политический потенциал такого феномена, как мягкое влияние в международных отношениях. Так, последняя версия концепции внешней политики Российской Федерации содержит следующее положение: «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов *«мягкой силы»*, прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам» [4].

Это положение демонстрирует широко распространенный подход к классификации форм влияния или проецирования силы в российских как государственно-политических, так и экспертно-научных кругах. Согласно этому подходу принципиально существуют две формы влияния в международных отношениях. Это, во-первых, жесткая, или традиционная сила, которая подразумевает военное, либо экономическое, либо конвенциональное дипломатическое давление одного государства на второе с целью изменения внешнего или/и внутривнутриполитического курса второго государства. Во-вторых, это мягкая сила, т.е. внешнеполитическая стратегия, подразумевающая способность одного государства корректировать внешнеполитический и/или внутривнутриполитический курс другого на основе добровольного включения, привлекательности, симпатии к ряду политических атрибутов первого государства. Важнейшими недостатками такого подхода является следующее: 1) невнимание к эпистемологическим истокам оппозиции *«жесткая сила – мягкая сила»* и к ее отдельным элементам; 2) представление о том, что мягкая сила потенциально является универсальным атрибутом многих (если не всех) государств; 3) игнорирование мягкой формы внешнеполитического влияния – нормативной силы Европы, которая уже на семантическом уровне подразумевает отказ от оппозиции *«жесткая сила – мягкая сила»*; 4) как следствие, игнорирование принципиальной невозможности построения мягкой силы России по американскому или иному другому образцу.

Целью представленной работы является анализ концептуальных структур двух наиболее успешных форм мягкого влияния – мягкой силы и нормативной силы Европы в контексте их возникновения и становления для демонстрации невозможности выстраивания российской формы мягкого влияния исключительно по образцу только мягкой силы вследствие разности контекстов крайне вероятной разницы в концептуальной структуре мягкой силы и потенциальной российской формы мягкого влияния, что должно способствовать проблематизации перспектив российского мягкого влияния.

К генеалогии концепции мягкой силы

Прежде всего, часто российскими исследователями мягкой силы как концепции или же практических результатов мягкой силы упускается эпистемологический контекст, в котором появился знаменитый труд Дж. Най «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» [7], где впервые возникла рассматриваемая концепция. Между тем в методологических, эпистемологических, иными словами, прежде всего, в философских кругах США начиная с 1983 г. и примерно до середины 1990-х гг. протекала острейшая дискуссия о сущности науки и, в частности, о месте и статусе гуманитарного знания. В основе дискуссии лежал большой философский проект, предложенный еще в XIX в. О. Контом, о создании иерархии научного знания от «мягких» наук к «жестким». Соответственно, под влиянием идей Конта «жесткость» должна была заключаться в высоком уровне точности, математизации, ориентации на формулирование универсальных законов, в высокой степени консенсуса касательно основных терминов и объяснительного потенциала и т.д. «Мягкость» же должна была заключаться в обратном характере – невозможности математизации, ориентации на понимание, дискуссии об основополагающих терминах и понятиях, и, соответственно, мягкие науки должны были бы считаться менее легитимными формами знания. Собственно, в рамках этой дискуссии американский социолог С. Коул впервые в 1983 г. использовал оппозицию «hard science – soft science», и после его публикации началась бурная дискуссия о иерархии знания [12, 89].

Дальнейшее содержание и результаты этой дискуссии не являются предметом настоящей работы, тем не менее, международные отношения стали той областью знания, которую описанная дискуссия уязвила больше всего. Так, к примеру, в середине 1980-х гг. благодаря усилиям американского математика С. Ланга было отказано в приеме в Национальную академию наук США виднейшему американскому специалисту в сфере международных отношений С. Хантингтону. Это событие способствовало возникновению рессентименталистских настроений в среде американских специалистов в сфере международных отношений.

На фоне этой дискуссии произошло ослабление и распад СССР, что в США было истолковано как победа США в «холодной войне». Американское сообщество, изучающее международные отношения, видело себя одним из архитекторов этой победы. И именно Дж. Най первым в вышеописанном труде провозгласил, что 1) США остались единственной сверхдержавой; 2) форма влияния США в международных отношениях должна измениться [7, 24]. И «отдавая дань уважения» дискуссиям об иерархии научного знания в его же труде появляется изначально метафора «soft power». Не в последнюю очередь благодаря уязвленности американских специалистов, эта метафора получила

широкую популярность и была развита Наем в отдельной работе «Soft Power: The Means to Success in World Politics» [8].

В таком контексте концепция soft power получает характеристики soft science, только если в случае методологических споров данные характеристики представлялись как недостатки, служили поводом для некоторой дискриминации, то в случае внешнеполитической стратегии эти характеристики провозглашались новым мейнстримом американского внешнеполитического курса и, следовательно, получали строго положительные коннотации. Речь идет о таких характеристиках, как субъективный характер (знания в случае науки и влияния/ невлияния в случае международных отношений), слабый прогностический потенциал, отсутствие четко формулируемых законов и т.д. Так, генеалогически концепция мягкой силы является результатом своего рода языковой игры уязвленного американского внешнеполитического мышления на фоне благополучного для США конца «холодной войны». Из этого обстоятельства вытекает несколько принципиальных для науки о международных отношениях следствий.

Упомянутая популярная в российском мышлении о внешней политике оппозиция «жесткая сила – мягкая сила» не носит системный, структурный характер, она не является бинарностью рода «земля – небо», «верх – низ». Как вытекает из представленного выше, эта оппозиция возникла крайне в недалеком прошлом, носит определенный ситуативный и исторический характер. Более того, само понятие «жесткая сила» возникло позже «мягкой силы», хотя те инструменты и средства, которые подразумевает жесткая сила, представляются гораздо более древними и укорененными в практиках международных отношений. Такой парадокс возможен, поскольку в оппозиции «жесткая сила – мягкая сила» концепция жесткой силы существует как реакция на концепцию мягкой силы и является продолжением языковой игры, предложенной Дж. Наем. Поэтому указанная оппозиция изначально существует в контексте дискуссий о мягкой силе [5, 62]. Иначе, такая классификация – не объективный взгляд на инструменты и стратегии в международных отношениях, а взгляд с позиции сторонников мягкой силы, и в такой парадигме традиционные инструменты неизбежно будут представляться как нечто, что стоит «ниже» мягкой силы, поскольку языковая игра, в результате которой появилась описываемая концепция, предполагала инверсию о иерархии научного знания, утверждении превосходства soft science и, соответственно, soft power над hard science и hard power.

Далее, структура самого понятия мягкая сила, а также дискуссии об эмпирической значимости и применимости понятия имеют строго дедуктивный характер. Это обусловлено опять же возникновением самого понятия. Дж. Най сформулировал метафору мягкой силы исходя не из анализа множества случаев, процессов и т.п., а интуитивно переформулировав плоды описанной выше методологической дискуссии. В результате мысль о мягкой си-

ле, как критическая, так и пропозиционная имеют в своей основе обсуждение того, какой случай, процесс, внешнеполитическое действие того или иного актора является примером мягкой силы, а какое – нет и почему. Это очевидная дедуктивная логика. Проблемой такой логики является то обстоятельство, что концепция становится не столько инструментом, стратегией внешней политики, сколько инструментом, способом объяснения уже произошедших событий, точнее, способом их научного «схватывания», «именования» и «присваивания». Таким образом, при появлении феномена, объяснение которого затруднено с точки зрения жесткой силы / классического реализма выступают сторонники мягкой силы и «именуют» такой феномен результатом воздействия мягкой силы и тем самым его «присваивают». В этом смысле мягкая сила является исключительно атрибутом внешней политики США и является не столько их инструментом, сколько средством зафиксировать и объяснить самим себе некоторые, как правило, неожиданные проявления собственного влияния.

В силу дедуктивной логики формы или инструменты мягкой силы крайне расплывчаты, тяготеют к постоянному расширению, что говорит не столько о политическом и эпистемологическом потенциале концепции, сколько о ее неудачной структуре, порождающей риск концептуальной натяжки. Так, в 1990 г. Най говорил, что мягкая сила содержит три компонента: культура государства (конкретнее – культура США), ценности, внешняя политика как целостный, системный курс [7, 128]. Позже перечень этих компонентов приобрел следующий вид: ценности и институты, экологическая безопасность и устойчивое развитие, культура, научно-техническое развитие, потребительские предпочтения [10, 47]. Причем, ведутся дискуссии о содержании этих компонентов, добавлении новых и т.д. А между тем уже сейчас именно в силу того, что концепция мягкая сила используется, прежде всего, для фиксации и присваивания неожиданных результатов внешнеполитического влияния, она демонстрирует признаки натяжки. Так, к примеру, сложно однозначно и уверенно сказать, что общего между популярностью американского бренда Coca-Cola и сокращением выбросов вредных отходов. Оба феномена декларируются как элементы мягкой силы, но проблема их совместимости представляется очевидной.

Наконец, исходя из вышеописанных особенностей концепции мягкой силы, крайне не ясен сам характер, модус влияния мягкой силы. Так, касательно жесткой силы вполне фиксируется характер воздействия на государство в случае применения военных, либо экономических санкций. Вполне ясен характер воздействия в случае традиционного дипломатического давления. В случае мягкой силы из-за чрезмерного числа компонентов мягкой силы представляется затруднительным определить четкий модус воздействия мягкой силы. Так, в случае предпочтения потребителей, вероятно, речь идет о психологическом, возможном когнитивном характере воздействия, а в случае науч-

но-технического развития – об экономическом. На более фундаментальном уровне модус воздействия мягкой силы балансирует в неопределенности между позитивистским и постпозитивистским подходами. Так, сам Дж. Най, оставаясь позитивистом утверждает, что мягкая сила именно воздействует и корректирует политику государства [8, 29], тогда как, к примеру, российский исследователь Е. Пономорева акцентирует внимание на конструктивистском потенциале мягкой силы [2, 46], что является скорее постпозитивистским модусом.

Так, мягкая сила как концепция и как практика является не универсальной, не единственной и, вероятно, не лучшей формой мягкого влияния. На контрасте мягкой силы крайне любопытным представляется потенциал концепции нормативной силы Европы.

К генеалогии концепции нормативной силы Европы

Концепция И. Маннерса нормативной силы Европы была сущностно проанализирована и представлена в работах таких российских авторов, как Е. Саворская [3], Е. Мухина [1] и др. Тем не менее, данная концепция либо не получила должного внимания в российском академическом пространстве, либо была воспринята как европейская вариация мягкой силы. Что в корне не верно, поскольку имеет место скорее конкуренция между мягкой силой и нормативной силой Европы. Подтверждением чему является критика Р. Кейгана нормативной силы Европы в силу того, что в отличие от американской мягкой силы в основе концепции нормативной силы Европы лежит несостоятельность Европы как военной силы [6, 112].

Так, идею нормативной силы Европы, как правило, возводят к идее «гражданской силы», сформулированной Ф. Дюшаном еще в 1970-х гг. Ф. Дюшан полагал, что ЕС может стать еще одной сверхдержавой, опираясь при этом не на военную мощь, а на гражданскую силу, которая, по его мнению, должна была включать в себя экономические элементы, а также утверждение таких морально-правовых норм, как верховенство права, рыночная экономика, демократическое правление, права человека [15, 19]. Но важное отличие от концепции мягкой силы заключается в том, что дедуктивно сформулированная концепция Дюшана не получила широкой поддержки. Безусловно, его концепция стала в некоем роде предшественником концепции мягкой силы, но речь о прямой преемственности идти не может.

Так, И. Маннерс впервые сформулировал концепцию нормативной силы только в 1998 г. Ключевым элементом концепции нормативной силы Европы стало утверждение о том, что ЕС в международных отношениях стремится определять и устанавливать категорию нормы и нормальности с опорой, прежде всего, на право, а также на ряд этических норм, полагающихся общечеловеческими. Причем, под нормами понимаются не только юридиче-

ские нормы, записанные в тех или иных документах. Юридические нормы в случае нормативной силы являются только базой, фундаментом для продвижения нормальности в версии ЕС в экономической, политической, социальной, культурной и иных сферах [16, 241]. Специфика ряда этих сфер такова, что не все они приемлют письменные, юридически зафиксированные нормы. Тем не менее, ЕС преуспел в продвижении своих норм в ряде сфер, прежде всего на территории стран бывшей организации Варшавского договора. Так, подписание Парижской Хартии для новой Европы в 1990 г. обозначило резкий рост продвижения европейской нормативной силы. Именно анализ результатов распространения европейской нормальности в различных сферах и позволил Маннерсу индуктивно сформулировать концепцию нормативной силы Европы.

Принципиальным отличием контекста появления концепции нормативной силы Европы от контекста появления концепции мягкой силы является важность не методологических дискуссий, а политико-идеологические последствия предпринятого Ж. Делором углубления европейского интеграционного проекта после многолетнего этапа «евросклероза». И именно очередной виток интеграции, в совокупности с явной перспективой расширения ЕС в силу распада СССР и, как следствие, ликвидации ОВД, позволило европейскую нормативную экспансию, что, в свою очередь, привело к появлению результатов нормативной экспансии ЕС на посткоммунистическом пространстве, и это позволило индуктивно прийти к концепции нормативной силы Европы.

Кроме того, в силу ряда причин, прежде всего исторических, а также особенностей институционального устройства ЕС практически не располагал компонентами того, что можно было рассматривать как жесткую или традиционную силу. Поэтому возникновение концепции нормативной силы не привело к появлению оппозиции, схожей с оппозицией «жесткая сила – мягкая сила». Мысль Маннерса и его сторонников оказалась направлена на то, как возможно небольшой потенциал жесткой силы ЕС встроить в концепцию нормативной силы. Так, была обозначена идея об отсутствии противоречий между военной силой и нормативной силой в пользу главенства последней. Причем нормативная сила позволяет использовать традиционную, жесткую силу до того предела, пока объект воздействия силы продолжает понимать первостепенность именно нормативности. Таким образом, важно, чтобы военное давление не стало обязательным условием приемлемости европейской нормальности, поскольку в таком случае ненормальность бы продвигала саму себя, а именно традиционная военная сила или экономические санкции [17, 82].

Также, в отличие от мягкой силы, концепция нормативной силы Европы никогда не понималась просто как инструмент. Эта концепция легла в основание идентичности ЕС как актора в международных отношениях. По словам Т. Диеза, ЕС стремится продвигать нормы, которые представляются ЕС

бесспорными и универсальными настолько, что их оказалось возможным зафиксировать юридически, что и было сделано в Копенгагенской декларации об идентичности ЕС, которая позже многократно существенно дополнялась рядом заявлений Европейского совета. Более того, ЕС, как ни один другой актор, стремится подписать со своими внешнеполитическими партнерами обязывающие декларации о приверженности общим ценностям. Причем, как правило, общими ценностями становятся ценности ЕС [13, 204].

В основе такой приверженности нормам ЕС лежат, прежде всего, 1) общий рынок, 2) интеграционный опыт, позволивший его создание, и 3) вытекающее из них европейское право или *acquis comunitar*. Эти три феномена составляют сущность ЕС, поэтому продвижение их как нормальности, набора норм определяет ЕС, и ЕС практически не может позволить себе инструментальное использование нормативной силы, поскольку это наносило бы ущерб по самому ЕС. Тем не менее, проблема нормативной силы ЕС связана с представлением об ее универсальности. Так, если европейский интеграционный опыт действительно широко тиражируется по всему миру, в том числе и в основе евразийской интеграции лежит европейский опыт, то европейский общий рынок со всеми его экономическими, социальными и иными нормами, а также европейское право с его политико-правовой нормативностью на сегодняшний день остается исключительной особенностью ЕС.

Так, как было показано выше, в отличие от мягкой силы, нормативная сила имеет индуктивный характер, не способствует образованию оппозиции рода «жесткая сила – мягкая сила», не является инструментом, а составляет ядро внешнеполитической идентичности ЕС. Кроме того, нормативная сила Европы имеет ограниченное и четко обозначенное число компонентов или способов реализации. Это: 1) убеждение и аргументация; 2) взывание к нормальности; 3) формирование соответствующего дискурсивного порядка; 4) демонстрация ЕС и его политик как модели, образца; 5) поощрение или наделение престижем или дискредитация [11, 32]. Использование этих форм нормативного воздействия в отношении тех или иных акторов определяется институтами ЕС, осуществляется как институтами ЕС, так и странами-членами ЕС, их институтами, а также негосударственными акторами. Закономерно, что сам Маннерс ясно обозначил, что модус воздействия нормативной силы Европы носит дискурсивный характер и для него принципиальным является наделение отдельных институтов как внутри ЕС и стран-членов, так и за пределами ЕС, на международной арене, осуществлять дискурс о европейской нормальности и, соответственно, контролировать этот дискурс [18, 315].

Важным отличием от мягкой силы является то, что результаты влияния нормативной силы являются влиянием именно нормативной силы, производной от нее, конструктом рациональной, сформулированной стратегии, предполагающей четкий, ограниченный набор инструментов и ясно определенный модус влияния.

Сравнение концепций мягкой силы и нормативной силы Европы

Кратко генеалогический анализ и эпистемологический потенциал обеих концепций позволяет утверждать существование следующих принципиальных различий в концептуальной структуре этих двух форм мягкого влияния в международных отношениях.

Таблица 1

Концептуальные различия мягкой силы и нормативной силы Европы

Мягкая сила	Нормативная сила Европы
Случайная языковая игра, метафора;	Специально, целенаправленно сформулированная концепция;
Дедуктивный характер;	Индуктивный характер;
Инструментальный характер;	Основание внешнеполитической идентичности ЕС;
Укорененность в ситуативном американском контексте;	Укорененность в ситуативном контексте ЕС;
Порождает оппозицию «жесткая сила – мягкая сила»;	Не порождает оппозицию рода «жесткая сила – мягкая сила»;
Много форм воздействия, нет четкого определения формы воздействия;	Ограниченное число форм воздействия;
Модус воздействия не определен;	Строго дискурсивный модус воздействия;
Результаты влияния часто «присваиваются» мягкой силе.	Результаты влияния часто именно сконструированы нормативной силой.

Помимо различий обе концепции содержат ряд сходств в своих структурах. Так, появление обеих концепций в той или иной степени обусловлено распадом СССР и концом «холодной войны». Кроме того, обе концепции настаивают на том, что их воздействие универсально, поскольку те ценности или феномены, распространение которых они пропагандируют, полагаются универсальными. Вместе с тем, обе концепции ситуативны и возникли в локальных, специфических и случайных условиях, что резко проблематизирует их универсалистский потенциал.

Более того, как было отмечено выше, представленные формы мягкого воздействия не являются двумя вариантами одного феномена мягкого воздействия государств условного Большого Запада. Помимо того, что они возникли в принципиально разных контекстах, в их концептуальных структурах больше различий, чем сходств, кроме того, между ними обнаруживается еще и взаимная критика и конкуренция. Уже отмечалась критика Р. Кейгана в от-

ношении нормативной силы Европы. В то же время И. Маннерс и Т. Диез подвергли критике мягкую силу США, в частности, ее компонент, ориентированный на продвижение демократических институтов и прав человека на Ближнем Востоке. Маннерс и Диез утверждали, что курс ЕС в рамках концепции нормативной силы на стимулирование интеграции между странами Ближнего Востока и создание институтов взаимного владения, вылившееся в создание Союза для Средиземноморья более продуктивно в продвижении демократических институтов и прав человека [14, 178].

Перспективы мягкого влияния России

Проведенный выше анализ показывает, что не существует такого универсального атрибута любого государства, как мягкое влияние. С одной стороны, возникновение такого атрибута носит случайный и ситуативный характер. С другой – мягким влиянием может обладать не только государство, но и такой феномен международных отношений, как ЕС, не являющийся в строгом смысле государством.

Содержащаяся в действующей редакции концепции внешней политики Российской Федерации концепция мягкой силы является атрибутом США, поскольку возникла в специфическом американском контексте. Более того, несмотря на то, что мягкая сила заявляется США как инструмент их внешней политики, она служит не инструментом проведения внешней политики, а способом присваивания и легитимизации неожиданных и случайных результатов влияния США как единственной сверхдержавы, которые невозможно приписать иным инструментам американской внешней политики. В этом смысле единственный успех мягкой силы США заключается в том, что другие государства, причем как развитые (Франция, Великобритания и др.), так и развивающиеся (Россия, Китай и др.) уверены: 1) в политическом потенциале мягкой силы; 2) в ее универсальной атрибутивности. В результате государства затрачивают ресурсы, усилия в поисках роста влияния в неверном направлении. Такая ситуация обусловлена тем, что США с помощью концепции мягкой силы, как единственная сверхдержава, вынуждена не столько увеличивать разными способами свое влияние, сколько фиксировать и объяснять случайные и неожиданные результаты своего влияния, прежде всего, для самих себя. Тогда как все остальные государства стремятся с помощью той же концепции именно наращивать влияние.

В случае нормативной силы Европы представляется достаточно очевидным, что это специфическая, исключительно европейская форма мягкого влияния. И именно в силу своей специфичности эта форма работает. Так, к примеру, в России сегодня мейнстримом является негативно высказываться о европейских ценностях, в то время как в основании евразийской интеграции положен европейский интеграционный опыт. Но важность нормативной силы

Европы в контексте дискуссий о мягком влиянии России в том, что она демонстрирует: 1) не универсальность мягкой силы; 2) является примером альтернативной формы мягкого влияния с иной концептуальной и генеалогической структурой; 3) демонстрирует, что действительно эффективная форма мягкого влияния является специфичным, уникальным, ситуативным атрибутом конкретного актора. Кроме того, в работе было показано, что концептуальная структура нормативной силы, с одной стороны, гораздо более прозрачна и целенаправленна, а с другой – те результаты влияния, которые приписываются реализации концепции, действительно проистекают из нее, структурированы ей. Учитывая это, вероятно, России было бы полезно обратить более пристальное внимание: 1) не только на американский опыт мягкого влияния, но и на европейский; 2) возможность условий для возникновения и / или развития специфической мягкой формы влияния России.

В России на современном этапе дискуссии о мягкой силе, или, шире – о мягком влиянии идут преимущественно в двух направлениях. Первое очень условно можно обозначить как вопрос «Сколько, кому, где и на каких условиях платят США (возможно, Британия, Франция, Германия, Китай и др.), чтобы им симпатизировали?». Второе направление может быть обозначено вопросом «Сколько, кому, где и на каких условиях следует платить России, чтобы России симпатизировали?». Оба направления мысли представляются, если не неверными, то точно второстепенными. Вероятно, более продуктивным был бы анализ того, какой внешнеполитический и внутривнутриполитический, возможно, идейно-теоретический контекст стимулировал бы возникновение или развитие мягкого влияния России на международной арене. Также представлял бы интерес анализ тех параметров, которые составляют концептуальные структуры как мягкой силы, так и нормативной силы Европы и значения этих параметров для потенциальной формы мягкого влияния России. Так или иначе, если мягкое влияние России на международной арене способно стать значимым фактором мировой политики, то это будет не «мягкая сила» России, а специфическая, ситуативная форма мягкого влияния, которая может быть атрибутирована исключительно России. Причем анализ и мышление в предложенных направлениях могут прийти к заключению о невозможности мягкого влияния России на международной арене, и в этом не будет ничего негативного или трагического как для России, так и для мировой политики.

Библиографический список

1. Мухина Е. Е. Нормативная сила Европейского союза // Вестник ННГУ. 2008. №4. [*Mukhina E.E. Normative Power of the European Union // Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2008. No. 4*].
2. Пономарева Е. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. 2012. № 3/4 (1632).

- [*Ponomareva E.* Secrets of «Color Revolutions». Modern Technologies for Changing Political Regimes // Free Thought. 2012. No. 3/4 (1632)].
3. *Саворская Е. В.* Сущность концепции «Нормативной силы» Европейского союза // Балт. рег.. 2015. №4. [*Savorskaya E. V.* The Concept of the European Union's Normative Power // Baltic region. 2015. No. 4].
 4. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 30 ноября 2016 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248. [Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on November 30, 2016)].
 5. *Campbell K., O'Hanlon M.* Hard Power: The New Politics of National Security. N.Y.: Basic Books, 2006.
 6. *Kagan R.* Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order. N.Y.: Knopf, 2003.
 7. *Nye J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y.: Routledge, 1991.
 8. *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. N. Y.: Routledge, 2004.
 9. *Nye J. S.* The Future of Power. N.Y.: Routledge, 2011.
 10. *Palmar I., Cox M.* Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives. N.Y., 2010.
 11. *Aggestam L.* The World in Our Mind: Normative Power in Multi-Polar World. A. Gerrits (ed.) Normative Power Europe in a Changing World. Clingendael. 2009. Issue 5.
 12. *Cole S.* The Hierarchy of the Sciences? // American Journal of Sociology. 1983. Vol. 89. No. 1.
 13. *Diez T.* Setting the Limits: Discourse and EU Foreign Policy // Cooperation and conflict. 2013. No. 3.
 14. *Diez T., Manners I.* Reflecting on normative power Europe / Power in World Politics, Routledge. 2007.
 15. *Duchene F.* The European Community and the Uncertainties of Interdependence // A Nation Writ Large? Foreign-Policy Problems before the European Community. London: Macmillan, 1973.
 16. *Manners I., Whitman R.* Towards Identifying the International Identity of the European Union: a Framework for Analysis of the EU's Network of Relations // Journal of European Integration. 1998. Vol. 21. No. 2.
 17. *Manners I.* Normative Power Europe: A Contradiction in Terms // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40. No. 2.
 18. *Manners I.* Assessing the decennial, reassessing the global: Understanding European Union normative power in global politics // Cooperation and Conflict. 2014. Vol. 48. No. 2.

**SOFT POWER AND NORMATIVE POWER OF EUROPE:
GENEALOGICAL ORIGINS OF THE TWO CONCEPTS OF SOFT
POWER IN INTERNATIONAL RELATIONS**

A. A. Alikin

Master's Student, Master Program «International Relations: European and Asian Studies», National Research University Higher School of Economics

According to the current concept of foreign policy of the Russian Federation, soft power should take an important place in its foreign policy strategy. Meanwhile, at the present stage, the views of both Russian political circles taking foreign policy decisions and the expert academic community on soft influence in international relations contain a number of conceptual flaws. These flaws hinder conducting an objective and relevant analysis of the possibilities and prospects for Russia's soft influence in the international arena. The paper offers a genealogical analysis of the two most successful forms of soft influence – “soft power”, which is a significant tool for pursuing US foreign policy, and “normative power of Europe”, concerning the majority of the foreign policy directions of the European Union. The author identifies the conceptual structure of both forms of soft power, compares these structures and affirms the fundamental genealogical uniqueness of each of the two forms in contemporary international relations. In addition, the analysis provides grounds for a more conceptual approach to the problem of the possibility of Russia's soft influence, as well as for abandoning the popular research focus on who finances the soft influence of one or another participant in international relations.

Keywords: soft power; normative power of Europe; Russia; international relations; genealogy.